

На правах рукописи

Сидельцев Андрей Владимирович

**СТРУКТУРА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ:
ФОРМАЛЬНЫЙ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
НА ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ФОНЕ**

10.02.20 – Сравнительно историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2016

Работа выполнена в секторе анатолийских и кельтских языков Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института языкознания Российской академии наук

Официальные оппоненты: **Касевич Вадим Борисович**, доктор филологических наук, профессор, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ

Рудницкая Елена Леонидовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института востоковедения Российской академии наук

Захарьин Борис Алексеевич, доктор филологических наук, профессор по кафедре индийской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой индийской филологии ИСАА

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук**

Защита состоится «27» октября 2016 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 при Институте языкознания РАН по адресу: 125009, Москва, Б. Кисловский пер. д.1. с.1, конференц-зал

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН по адресу: Москва, 125009, Б. Кисловский пер. д.1. стр.1 и на сайте Института языкознания РАН <http://iling-ran.ru/main/theses/sidelcev>

Автореферат разослан «___» _____ 2016 года

И.о. учёного секретаря
диссертационного совета
доктор филол. наук

Ирисханова Ольга
Камалудиновна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предмет исследования

Предметом нашего диссертационного исследования является структура простого предложения в хеттском языке на типологическом фоне: порядок слов и информационная структура, местоименная реприза, клитики и явления второй позиции, синтаксис и сфера действия кванторов.

Материал исследования

Исследование выполнено на материале хеттского языка, мертвого языка анатолийской группы индоевропейской семьи, засвидетельствованного XVII–XII вв. до н. э. на территории современной Турции.

Исследование выполнено на основании следующего корпуса: древнехеттские тексты, среднехеттские дипломатические тексты, оракулы и молитвы, записанные среднехеттским дуктом, а также инструкции, на всем протяжении развития хеттского языка, как в (Miller 2013), равно как и следующие новохеттские тексты: договоры (изданные в (Otten 1988, van den Hout 1995, Friedrich 1924, 1926, 1930) с последующими дополнениями, (Laroche 1969, Kühne, Otten 1971, del Monte 1986, Beckman 1989, González Salazar 1994, d'Alfonso 2007), а также издания на сайте the hethiter.net (СТН 42, 62, 69, 123, 141)); конфликт между Мурсили III и Хаттусили III, как в (Ünal 1974); диктат (Miller 2007); “Завоевание Аласии”, как в (Güterbock 1997, Bolatti Guzzo, Marazzi 2007); анналы (Суппилулиума I, как в (del Monte 2008), Мурсили II, как в (Goetze 1967a) с последующими дополнениями, Хаттусили III, как в (Gurney 1997)); письма (как в (Alp 1991, Hoffner 2009; Giorgieri / Mora 2004, Hagenbuchner 1989)), протоколы суда, как в (Werner 1967, Hoffner 2003), медицинские тексты, как в (Burde 1974); “Апология Хаттусили III”, как в (Otten 1981); средне- и новохеттские каталоги, как в (Dardano 2006), оракулы, как в (van den Hout 1995, 1998, Ünal 1974, 1978,

2005); сны и обеты, как в (Otten, Souček 1965, van den Hout 1994, Mouton 2007, de Roos 2007), афазия Мурсили II, как в (Goetze, Pedersen 1934), модели печени, как в (Güterbock 1987). Этот корпус дополнен выборкой из новохеттских молитв (Tischler 1981, Sürenhagen 1981, Singer 1996, 2002b) и некоторых других текстов.

Привлекаются также данные других родственных и неродственных языков малоазийского языкового ареала – лувийского, хаттского, хурритского.

Исследование хеттского языка проводится с последовательным привлечением типологического материала – данных как родственных, так и неродственных языков: каждое исследуемое явление хеттского языка, а также гипотезы по описанию и объяснению этих явлений, сделанные на материале хеттского языка, рассматриваются в свете того, как это явление функционирует и описывается в других языках.

Цель и задачи исследования

Цель работы – дать последовательное и всестороннее (как формальное, так и функциональное) описание структуры простого предложения в хеттском языке на широком типологическом фоне.

Для достижения этой цели в диссертации ставятся и решаются следующие конкретные задачи:

- 1) описать и объяснить – путем формального, функционального и диахронического анализа – порядок слов в его взаимосвязи с информационной структурой в хеттском простом предложении, как базовый, так и производный;
- 2) описать синхронно с функциональной точки зрения и диахронически местоименную репризу хеттского языка, как внутри базовой клаузы, так и вне ее;

- 3) описать и объяснить при помощи формального и диахронического анализа явления клитизации и второй позиции;
- 4) представить комплексное взаимодействие позиции в клаузе (и поверхностной, и структурной), сферы действия и информационной структуры на материале конкретной морфосинтаксической категории неопределенных местоимений.

Актуальность

Структура клаузы продолжает оставаться одним из основных и привлекающих значительное внимание исследователей разделов синтаксиса как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Из отечественных работ, пользующихся формальными методами, можно назвать (Беляев 2014, Belyaev 2014, Erschler 2012, Ljutikova, Tatevosov 2009). Из зарубежных работ следует отметить (Travis 2005, Belletti 2003, Arregi 2001, 2002, Alboiu, Hill, Sitaridou 2014, Aboh 2006, Abels, Muriungi 2008, Skopeteas, Fanselow 2010, Skopeteas, Féry, Asatiani 2009, Buell 2009, Buell, Riedel, van der Wal 2011, Hyman, Polisky 2009, Büring 2009, Butler 2004, Gračanin-Yüksek, İşsever 2011, Haegeman 2014, Haegeman, Hill 2014, Hill 2007, Kahnemuyipour 2009) и многие другие. Явления клитизации также активно исследуются, тут надо особенно отметить работы А. В. Циммерлинга, прежде всего обобщающую монографию (Циммерлинг 2013).

На материале собственно анатолийских языков в последнее десятилетие отмечается активизация интереса к синтаксису (Goedegebuer 2009, 2014; Becker 2014), в том числе и формальному (Huggard 2011, 2013, 2014, 2015; Yates 2014), включая и работы автора диссертации. Бурно развивается и отечественная анатолистика – так, за последний год было

защищено две докторских диссертации по языкам Анатолии (Касьян 2015, Якубович 2016). Однако, несмотря на большой интерес и значительное количество исследований, многие аспекты структуры предложения вообще и структуры хеттского предложения в частности продолжают оставаться неясными и дискуссионными на сегодняшний день.

Новизна работы

В работе впервые анализируется целый ряд аспектов хеттского синтаксиса. Впервые в мировой науке предлагается монографическое описание системы хеттских неопределенных местоимений методами корпусного и диахронического анализа. В работе (Huggard 2015), которая частично рассматривает неопределенные местоимения, анализ системы неопределенных местоимений основывается на отдельных примерах, что не позволяет автору сделать ряд важных обобщений, с одной стороны, и приводит его к неверным обобщениям, не основывающимся на достаточном эмпирическом материале, с другой. Также предлагается кардинально новый анализ клитизации и второй позиции в хеттском языке. Впервые описывается и анализируется варьирование позиции глагола относительно непосредственно предглагольной позиции (= низкой левой периферии). Впервые в мировой науке предлагается исчерпывающий синхронный и диахронический анализ хеттских выносов вправо. Впервые аргументируется существование местоименной репризы с именной группой в базовой клаузе как отдельной морфосинтаксической категории хеттского языка.

В более общем плане новизна работы заключается в последовательном применении типологического метода не только как фона, но и как инструмента анализа данных мертвого языка, что особенно значимо при недоступности значительного количества информации о мертвом языке, а также работы с информантами. Работа расширяет эмпирическую базу нового

понимания клитизации, которое было выдвинуто (Lowe 2014) для ведийского и которое предполагает, что клитизация не сводима к чисто фонологической безударности. Наша работа выводит гипотезу Лоу на уровень типологически значимого обобщения. В работе предлагается новое понимание процессов языковых изменений при языковых контактах, а также при аналогическом выравнивании.

Методы работы

Работа выполнена с применением метода типологического анализа языков. Данные хеттского языка последовательно рассматриваются в контексте родственных и неродственных языков. Особую роль типологический анализ играет в тех случаях, когда хеттский материал представляет собой типологически редкие или уникальные явления. При синхронном анализе синтаксических явлений используются как формальные (минимализм), так и функциональные методы анализа. В работе особое внимание уделяется диахроническому методу анализа. Данные хеттского языка, как засвидетельствованного исключительно в письменной форме, описываются при помощи филологического метода анализа текстов. Корпусные методы анализа играют важную роль в работе, компенсируя до некоторой степени невозможность работы с информантами и элицитации, а также оценки допустимости тех или иных конструкций.

Теоретическая значимость работы

В теоретическом плане работа вносит значимый вклад в понимание таких универсально-языковых явлений как клитизация (которая представляет собой более сложное взаимодействие синтаксиса и фонологии, чем это предполагалось в предшествующей литературе), формальное представление синтаксиса языков с порядком слов SOV, соотношение синтаксиса и сферы действия кванторов (а именно тот факт, что сфера действия кванторов не

обязательно считывается с синтаксической структуры в языках со свободным порядком слов) и, более широко, в понимание системы неопределенных местоимений вообще, а также механизмов диахронических изменений. В рамках последнего аспекта мы формулируем несколько сценариев языковых изменений при аналогическом давлении, а также при контактной интерференции, которые значимы для диахронической типологии как дисциплины.

Основные положения, выносимые на защиту

1) Структура клаузы в ряде языков SOV характеризуется низкой предглагольной левой периферией, которая в поверхностном синтаксисе располагается в непосредственно предглагольной позиции. Среди категорий, которые могут находиться в составе низкой левой периферии, представлено нетривиальное и большее, чем обычно предполагается, параметрическое варьирование. Там помещаются не только типологически тривиальные фокусы/вопросительные слова, что типично для языков SOV в целом, но и типологически редкие подчинительные союзы и относительные местоимения, как в хеттском и ряде языков кавказского ареала, прежде всего осетинском и грузинском. Более того, в хеттском языке эту же позицию занимают и два класса неопределенных местоимений – экзистенциальные кванторы и местоимений отрицательной полярности. Последнее является вкладом в типологию структуры клаузы и ранее не описывалось.

В работе показывается, что, как минимум, для ряда языков SOV непосредственная смежность глагола и низкой левой периферии должна со структурной точки зрения быть произведена не только от перемещения глагола, но и от эвакуационных перемещений глагольных актантов из позиции между предглагольной левой периферией и глаголом. В этом мы развиваем подход (Arregi 2002, Buell 2009).

2) В результате формального и функционального описания хеттской системы неопределенных местоимений, которые занимают не только непосредственно предглагольную позицию, но и вторую позицию в клаузе, выдвигается гипотеза, что сфера действия и референтность хеттских неопределенных местоимений напрямую не соотносятся с их позицией в клаузе. Эта характеристика противоречит заключению последнего по времени исследования, посвященного хеттскому синтаксису (Huggard 2015).

3) Хеттский язык демонстрирует одно местоимение отрицательной полярности – *kuiški* “кто-то”. Мы демонстрируем, что это фонологически единое местоимение ведет себя синтаксически по-разному в зависимости от того, какой оператор его лицензирует – отрицание или условный оператор. Такая система не описывалась ранее в типологической перспективе и вносит вклад в типологию неопределенных местоимений.

4) Клитизация и вторая позиция устроены более сложно, чем это обычно предполагается. Помимо однозначных случаев чисто фонологически обусловленной или чисто синтаксически обусловленной второй позиции в языках мира существует класс явлений, которые совмещают синтаксическую и фонологическую обусловленность второй позиции. Так, хеттский язык, наряду с ведийским (Lowe 2014), предоставляет данные о синтаксически обусловленной второй позиции как ряда клитик, так и ударных слов (неопределенных местоимений в хеттском, превербов и относительных местоимений в ведийском), которые проявляют некоторые свойства, обычно приписываемые фонологически обусловленной позиции ваккернагелевских энклитик, в частности способность разбивать составляющие и располагаться после первого фонологического слова.

5) Изучение диахронических изменений в структуре левой периферии позволяет проследить один из механизмов осуществления языковых изменений. Как часто предполагается, триггером языковых изменений является аналогическое давление одного участка языковой системы на другой. Хеттский язык позволяет очень четко проследить, как по-разному изменялись различные элементы левой периферии хеттского языка в зависимости от того, существовало ли для них аналогическое давление или нет. При том что изначально они представляли собой одну взаимосвязанную систему, в результате различного по силе аналогического давления они расщепляются на две различные и взаимоисключающие системы левой периферии, которые сосуществуют одновременно. Нам представляется, что такой сценарий вносит новый вклад в диахроническую типологию.

6) Еще одним вкладом в диахроническую типологию является следующее положение. Выявлен диахронический механизм развития типологически “абerrантных” морфосинтаксических категорий в ситуации языковых контактов. Описан подробный сценарий того, как в результате интерференции двух типологически регулярных систем – хаттского согласования глагола с актантами и хеттской системы подъема глагола в первую позицию и экстрапозиций в ритуальных текстах на хеттском языке сформировалась типологически абerrантная система выносов вправо, которые только частично соответствуют выносам вправо, описываемым для разноструктурных языков в типологической литературе. Показано, что эта типологически неестественная система оказалась неустойчивой, и в дальнейшем развитии хеттского языка при контактах с лувийским языком она была полностью ассимилирована лувийским типологически естественным выносам вправо.

7) Разработаны критерии для отграничения местоименной репризы от аппозитивных структур на материале мертвых языков, для которых отсутствуют основные критерии выделения местоименной репризы как отдельной морфосинтаксической категории в живых языках (просодия, интонация).

Практическая ценность

Данные проведенного исследования могут быть использованы при составлении вузовских курсов по хеттскому и лувийскому языкам, а также в курсах по общему синтаксису и генеративной грамматике. На основании материалов исследования автором были прочитаны курсы по хеттскому языку (филологический факультет МПГУ им. Ленина), проведены семинары по общему синтаксису и языкам мира (ФИПЛ РГГУ).

Апробация положений работы

Основные положения диссертации были изложены на чтениях памяти И. М. Тронского (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, июнь 2015, июнь 2014, июнь 2013, июнь 2012, июнь 2011, июнь 2005, июнь 2004, июнь 2002, июнь 2001), международной конференции “The precursors of Proto-Indo-European: the Indo-Hittite and Indo-Uralic hypotheses” (Лейден, Университет Лейдена, июль 2015), международной конференции “Pronouns: Syntax, Semantics, Processing” (Москва, Высшая школа экономики, июнь 2015), международной конференции “Armenian Language Contacts through the Ages” (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, май 2015), международной конференции “Типология морфосинтаксических параметров” (Москва, Институт языкознания-МГГУ, ноябрь 2015, ноябрь 2014, ноябрь 2013, октябрь 2012), международной конференции “International Congress of Hittitology” (Чорум, Хеттский университет, сентябрь 2014; Варшава, Университет Варшавы, сентябрь 2011, Рим, университет “La Sapienza”, сентябрь 2008), международной

конференции “38. Jahresbestagung der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft. Theorie und Experiment” (Констанц, Университет Констанца, февраль 2016), международной конференции “48th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europea” (Лейден, Университет Лейдена, сентябрь 2015), международной конференции “22nd International Conference on Historical Linguistics” (Неаполь, июль 2015), международной конференции “Rencontre assyriologique” (Москва, РГГУ, июль 2007; Рим, университет “La Sapienza”, июль 2011), конференции памяти С.А. Старостина “Актуальные вопросы сравнительно-исторического языкознания” (Москва, РГГУ, март 2016), международной конференции “Логический анализ языка” (Москва, Институт языкознания, май 2008, 2011), заседании индоевропейского лингвистического общества (Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft) “100 Jahre Entzifferung des Hethitischen. Morphosyntaktische Kategorien in Sprachgeschichte und Forschung” (Марбург, Университет Марбурга, сентябрь 2015), международной конференции “Towards a grammar of Hurrrian” (Вюрцбург, Университет Вюрцбурга, март 2013), приглашенном докладе на заседании Миланского лингвистического общества (Милан, декабрь 2012).

Структура исследования

Работа состоит из введения, содержащего общую информацию о целях, задачах и материале исследования, четырех разделов, посвященных анализу синтаксиса простого предложения в хеттском языке на типологическом фоне, заключения, где подводятся итоги исследования, и списка литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит формальные квалификационные характеристики работы.

Первый раздел посвящен структуре хеттской клаузы.

В разделе 1.1. мы анализируем базовую структуру хеттского предложения. Хеттский язык с базовым порядком слов SOV демонстрирует достаточно обычную для языка SOV структуру простого предложения – подлежащее и прямое дополнение всегда предшествуют глаголу, их позиция в предложении определяется информационной структурой, глагол очень стабильно располагается в конце предложения, в отличие от языков типа осетинского (Ljutikova, Tatevosov 2009, Erschler 2012, Беляев 2014) и венгерского (Kiss 2004) и сходно с турецким, индоарийскими языками и немецким (с известными оговорками), что интерпретируется нами как левое ветвление, как минимум, внутри флективного слоя (TP).

Что довольно редко встречается в языках SOV, но представлено в хеттском – это низкая левая периферия, располагающаяся в непосредственно предглагольной позиции. Хотя сама по себе низкая левая периферия все же представлена в языках мира, набор категорий, занимающих эту позицию, уникален в хеттском в своей совокупности. Во-первых, в нем в непосредственно предглагольной позиции располагаются фокус и вопросительные ИГ:

МН/MS (СТН 186) НКМ 13 obv. 3 – rev. 14

<i>nu=za</i>	<i>apēl</i>	<i>waštul</i>	<i>zik</i>	<i>dā-tti</i>
CONN=REFL его	грех.ACC.SG.N	ты.NOM.SG.C	братъ-2SG.PRS	

“Ты возьмешь на себя его прегрешение”.

Фокус часто располагается в непосредственной близости от глагола в языках мира (Belletti 2003; Brody, Szabolcsi 2003; Butler 2004; Jayaseelan 2006-8; Wolfe 2015), что для языков SOV означает позицию непосредственно перед глаголом. См., например, осетинский:

žawər-ə *čī* *fed-t-a?*

Заур-GEN кто.NOM видеть.PFV-TR-PST.3SG

“Кто увидел Заура?” (Belyaev 2014: 279).

Также весьма обычны в непосредственно предглагольной позиции маркеры отрицания. Однако в той же линейной позиции в хеттском располагается и часть подчинительных союзов, а также относительные местоимения, что представлено уже существенно реже в языках мира, но все же находит параллели в осетинском и грузинском (Ljutikova, Tatevosov 2009, Erschler 2012, Беляев 2014, Belyaev 2014):

Осетинский:

dz=naxaš=dən kʷə a-jqʷəšt-on, ...

ты.POSS=речь=тебя когда PV-слышать-PST.TR.1SG

“Когда я услышал, как ты говоришь, ...” (Belyaev 2014: 280).

didinž-ətz sə čəžg-zn ba-lzvar kod-t-aj, ...

цветок-PL какая девушка-DAT PV-подарок делать-TR.PST.2SG

“(Я увидел отца) девушки, которой ты дал цветы” (Belyaev 2014: 277).

Хеттский:

eNH/NS (СТН 49.II) KBo 10.12+ obv. i 5-6

*nu=tta tuēl [ZI=KA SAG.DU=KA DAM^{MES̄}=KA DUMU^{MES̄}]=KA * **

CONN=тебе твой душа=твоя голова=твоя жены=твои сыновья=твои

[] Û KUR.URU=KA **GIM-a**[n *nakki-ēš*]

и земля=твоя как дорогой-NOM.PL.C

“Как твоя [душа, твоя личность, твои жены], твои [сыновья], и твоя страна дорогие тебе, ...”

Однако два класса неопределенных местоимений (экзистенциальные кванторы и местоимения отрицательной полярности), которые также располагаются непосредственно перед глаголом в хеттском, насколько нам известно, не описывались в языках мира как находящиеся в низкой левой периферии:

NH/NS (СТН 85.2) KUB 21.37 obv. 48'

[*mān ANA*] ^DUTU-Š=I ҢUL-lu *kuiški* *peda-i*
 если к солнце=мое зло.ACC.SG.N кто-то.NOM.SG.C приносить-3SG.PRS
 “[Если] **кто-нибудь** приносит зло Моему Величеству, ...”

Строго говоря, в литературе (Huggard 2015) имплицитно предполагалось сопоставить эту систему с системой тех языков, в которых нереферентные именные группы располагаются внутри глагольной группы (vP), что дает эффект непосредственно предглагольной позиции в языках SOV типа турецкого¹:

Dolab-a kitap koy-uor-um.
 шкаф-DAT книга ставить-PROG-1SG
 “Я ставлю книги в шкаф” (Муравьева 2008: 342).

Референтные именные группы, напротив, в турецком находятся вне глагольной группы, что означает, что они необязательно предглагольны:

Kitap-lar-ı dolab-a koy-uor-um.
 книга-PL-ACC шкаф-DAT ставить-PROG-1SG
 “Я ставлю книги в шкаф” (Муравьева 2008: 342).

¹ См. обширную литературу на эту тему (Kim 1988; Diesing 1992; Vikner 1995; Massam 2001; Kiss 2004; Kumar 2006; Kahnemuyipour, Megerdooimian 2008: appendix A; Муравьева 2008; Öztürk 2009; Kahnemuyipour, Megerdooimian 2011; Gračanin-Yüksek, İşsever 2011; Dayal 2011; Serdobolskaya 2014) и многих других.

Однако более внимательный анализ показывает, что хеттская система не параллельна системам типа турецкой, т.к. в турецком значимо различие между неспецифичными именными группами и референтными именными группами, а в хеттском значимо различие между двумя классами неопределенных местоимений (экзистенциальными кванторами и местоимениями отрицательной полярности), с одной стороны, и любыми именными группами – как референтными, так и нереперентными, с другой. В хеттском нереперентные именные группы ведут себя так же, как и референтные именные группы, т.е. располагаются в соответствии с каноническим порядком слов SOV и своим информационным статусом.

После разбора структуры клаузы с особым вниманием к непосредственно предглагольной позиции, мы подробно рассматриваем неканонические позиции глагола, а именно следующее варьирование порядка слов в хеттском:

канонический порядок слов: SO-neg/rel/wh/indef-V

неканонический порядок слов: SO-V-neg/rel/wh/indef.

Суть этого варьирования – в том, что сказуемое остается непосредственно смежным к тем составляющим, которые в каноническом порядке слов находятся в непосредственно предглагольной позиции – как справа от них, так и слева. Т.е. в нашем корпусе не представлен такой неканонический порядок слов

*V-SO-neg/rel/wh/indef.

Вариативность непосредственно предглагольной позиции – ее размещение в поверхностном синтаксисе как до, так и после глагола – не уникальна для хеттского, см., например, в фарерском (Bobaljik 2002: 140-1):

Tey nýttu fleiri orð, sum hon hevði

Они использовали несколько слов которые он PST.PERF
ikki hoyrt fyrr.
 не слышал раньше.

Tey nýttu fleiri orð, sum hon ekki
 Они использовали несколько слов которые он не
hevði hoyrt fyrr.
 PST.PERF слышал раньше.

Однако хеттский язык демонстрирует ее наиболее расширенно из известных нам языков: в то время как обычно вариативность представлена только для показателей отрицания, в хеттском в ней участвует вся низкая левая периферия. На конкретных примерах она выглядит следующим образом:

NH/NS (СТН 89.А) KUB 21.29(+) rev. iv 13-14

šummeš=kan kui-t ney-ari
 вы.DAT¹.PL=LOC что-NOM.SG.N поворачивать-3SG.PRS.MED
 “Что случится с вами?”

OH/NS (СТН 19.II.A) KBo 3.1+ obv. i 40

[*k*]-*ī=wa iya-nun kuit*
 это-ACC.SG.N=QUOT делать-1SG.PST почему
 “Почему я сделал это?”

Это, на первый взгляд, однородное варьирование позиции сказуемого объясняется нами в рамках минималистской программы в системе расщепленного слоя CP как целое семейство перемещений сказуемого, наиболее частотными из которых являются два типа перемещений сказуемого. К первому типу относятся перемещения, связанные с информационной структурой: если сказуемое имеет информационный статус

топика, он поднимается мимо фокуса и вопросительных именных групп в структурную позицию, выделенную для топиков (Top^0). Если же сказуемое имеет информационный статус информационного фокуса, он поднимается мимо относительных и неопределенных местоимений, подчинительных союзов, а также маркеров отрицания, но остается в позиции ниже контрастивного фокуса. На данном этапе исследования установить причину этого факультативного перемещения и точную структурную позицию сказуемого не представляется возможным, мы вернемся к обсуждению этого перемещения в третьей главе. Проблема, однако, состоит в том, что сами по себе эти подъемы сказуемого еще не способны полностью объяснить засвидетельствованное варьирование порядка слов. Данное варьирование и его типологическая редкость следуют из других синтаксических особенностей хеттского: **(a)** глагольные актанты очень регулярно поднимаются из глагольной группы (vP) в позиции, в которых они получают свои информационные статусы топика или фокуса ($\text{Spec,TopP/FocP/ForceP}$); и **(b)** кванторы и относительные местоимения (экзистенциальные кванторы, местоимения отрицательной полярности, относительные местоимения, подчинительные союзы) порождаются в Spec,FinP , и Spec,QP , которое располагаются в структуре клаузы как $[\text{ForceP}[\text{TopP}[\text{FocP}[\text{FinP}[\text{QP}[\text{TP}]]]]]]$.

В более общем теоретическом плане данная глава затрагивает проблемы непосредственной смежности в линейном порядке слов, с одной стороны, сказуемого, а с другой, фокуса и других составляющих низкой левой периферии. В норме сказуемое описывается, см. (van der Wal 2012), как непосредственно смежное либо только к предглагольному фокусу (в языках SOV), либо только к постглагольному фокусу (в языках SVO). Хеттский же предоставляет новые данные в этой связи, т.к. хеттское сказуемое непосредственно смежно с внутриклаузальной левой периферией (но не с

фокусом!) и когда оно ей предшествует, и когда оно следует за ней. Особенно важно то, что в хеттском смежность не достигается стандартной архитектурой *спецификатор – вершина*, как, например, в венгерском, сингальском, грузинском, чеченском и кашмири (Brody 1990: 99, 104; Kiss 1998: 256; Kiss 2004: 83f; Olsvay 2004: 303; Ljutikova, Tatevosov 2009, Skopeteas, Fanselow 2010; Slade 2011: 40-1; Komen 2007: 46; Munshi, Bhatt 2009: 221-2)², при которой предглагольные составляющие поднимаются в спецификатор некоторой функциональной проекции, наиболее часто FocP, в чью вершину (Foc⁰) поднимается глагол. В хеттском же, аналогично предположению (Arregi 2001, 2002, Buell 2009), смежность следует не только из подъема глагола, но также и из скрэмблинга глагольных аргументов из vP, чтобы не оказываться между предглагольной левой периферией и глаголом. К проблеме, как мотивировать оба эти перемещения, которые подозрительно напоминают фонологически мотивированные (PF в минимализме), мы вернемся в третьей главе.

В двух последующих разделах первой главы мы продолжаем рассматривать детали структуры хеттской клаузы. От позиции сказуемого и глагольных актантов мы переходим к тем аспектам, которые лишь кратко затрагивались в предыдущем разделе, а именно позиции превербов, послелогов и отрицаний в предложении.

Раздел 1.2 рассматривает синтаксис превербов и послелогов (включая послеложные группы) в хеттском. Несмотря на значительное количество работ на эту тему (Tjerkstra 1999: 173; Luraghi 1990: 32, 35; Francia 2002; Salisbury 2005: 216; Brosch 2014; Huggard 2015), многие аспекты синтаксиса превербов/послелогов продолжают оставаться неясными. В нашем исследовании определяются *in-situ* и *ex-situ* позиции всех рассматриваемых

² Ср. (Szendrői 2003, Kiss 2004: 86, Kiss 2007: 74, Hyman, Polinsky 2009, van der Wal 2012).

составляющих. Вслед за исследованиями в типологической перспективе (Коорман 2000; Zeller 2003; Svenonius 2004) мы предполагаем, что превербы и послелого в каноническом порядке слов занимают очень низкую позицию в структуре клаузы, являясь компонентами VP. В этом разделе мы аргументируем важное для последующего изложения положение, что превербы в хеттском языке не маркируют левую границу vP, в отличие, например, от армянского и персидского (Kahnemuyipour 2009, Kahnemuyipour, Megerdooian 2011).

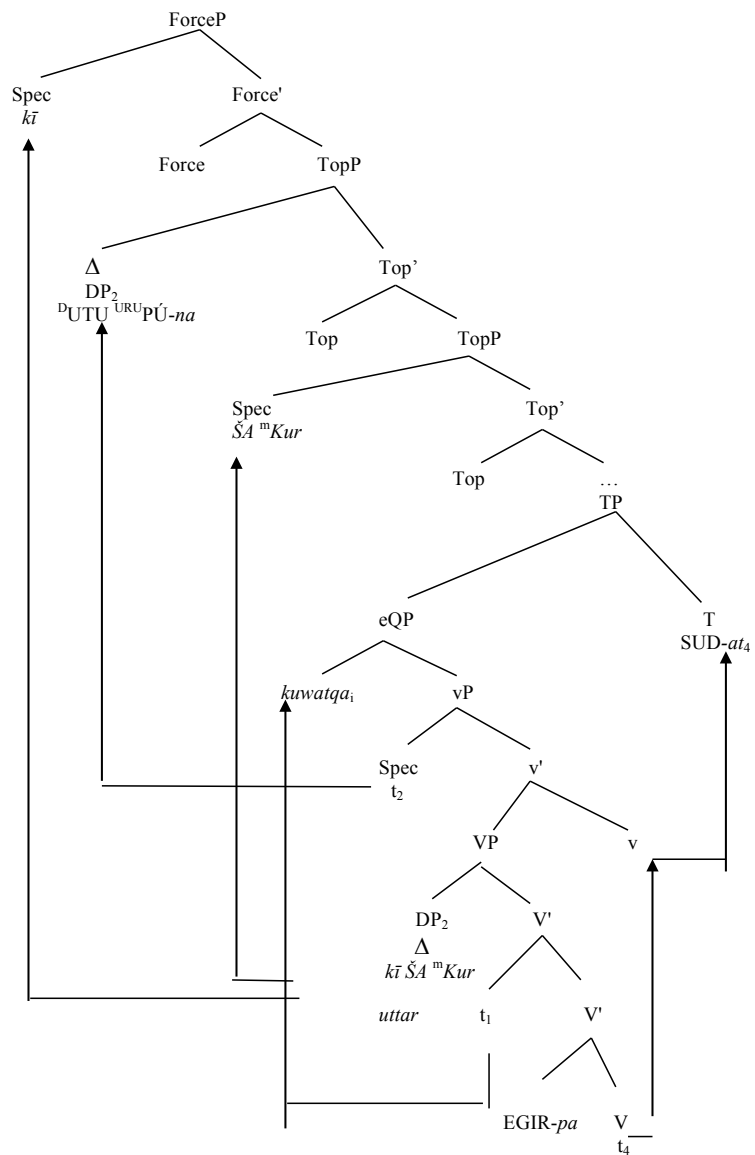
Таким образом, структуру хеттской клаузы с необходимыми передвижениями, которые следуют из предыдущего изложения, можно представить таким образом для следующей клаузы³

NH/NS (CTH 577) KUB 5.24+ obv. ii 13-14

<i>kī=wa</i>	<u>^DUTU</u>	^{URU} <u>PÚ-na</u>	ŠA	^m <i>Kur</i>	<i>kuwatqa</i>
это=QUOT	солнце	Аринна	GEN	Кур	как-то
<i>uttar</i>	EGIR-pa	SUD-at			
дело.ACC.SG.N	назад	тянуть-3SG.PST			

“Солнечная богиня Аринны хотела как-то продлить это дело Кура”.

³ Единственное, что не следует в этом представлении из предшествующего изложения, это то, что именные группы (или части именных групп) в исключительно редких случаях могут оставаться внутри vP на месте.

В этом же разделе мы разбираем исключительно интересную в

типологической перспективе характеристику хеттского синтаксиса – а именно наличие *postposition stranding*. Речь идет о том, что в группе послелогов может подниматься только именная группа-комплемент послелогов, в следующем примере *tuk ANA ^mTUPPI-^DU-up* “тебе, Туппи-Тешуп”, а сам послелог, в следующем примере *peran* “перед”, остается в своей базовой позиции непосредственно перед глаголом.

NH/NS (СТН 62.II.A) KBo 5.9+ obv. ii 46'–48'

<i>mān=kan</i>	<i>tuk</i>	<i>ANA</i>	<i>^mTUPPI-^DU-up</i>	<i>idālawwa</i>	<i>AWATE^{MEŠ}</i>
если=LOC	ты.DAT.SG	к	Туппи-Тешуп	зло.ACC.PL.N	слова
<i>kuiški</i>	<i>ANA</i>	LUGAL	<i>našma</i>	<i>ANA</i>	KUR ^{URU} <i>Ḫatti</i>
какой-то.NOM.SG.C	к	царь	или	к	страна Хатти

peran widai-zzi
перед приносить-3SG.PRS

“Если кто-то поднимет перед тобой, Туппи-Тешуп, злые вещи против царя или против Хатти, ...”.

Это явление, известное в хеттологии (Salisbury 2005), но парадоксальным образом неучтенное в типологической литературе, крайне интересно тем, что расширяет географию *postposition stranding*, который традиционно упоминается типологами только для германских языков.

Раздел 1.3. рассматривает более подробно синтаксис маркеров отрицания в хеттском предложении. Мы демонстрируем, что показатели отрицания в хеттском демонстрируют две линейные позиции в предложении. В первой, канонической, они располагаются между превербом и сказуемым:

MH/MS (СТН 186) НКМ 3 obv. 8-9

<i>n=aš=kan</i>	<i>namma</i>	<i>arḫa</i>	<i>lē</i>	<i>ui-zzi</i>
CONN=он=LOC	больше	прочь	PROHIB	идти-3SG.PRS

“Пусть он больше не выйдет”

В данной позиции они имеют сферу действия на все предложение. Другая позиция показателей отрицания представлена двумя вариантами – либо на левой границе предложения, либо внутри клаузы, но в последнем случае она нетождественна предглагольной позиции:

NH/NS (СТН 61.II.5.B) KBo 3.4+ obv. i 8

<i>ni</i>	KUR.KUR ^{<MEŠ>}	LÚ KÚR	<i>UL=ya kui-ēš</i>
CONN	страна	враг	NEG=и который-NOM.PL.C

kūruriyahḫe-šk-ir
 враждовать-IMPF-3PL.PST

“И даже враждебные страны, которые (еще) **не** начали вражду, ...”

MH/MS (СТН 190) HKM 68 obv. 4-7

1. *ammuk UL kuitki kuit dammišḫān ḫarmi*

2.	<i>UL=ma=kan</i>	<i>dān</i>	<i>kuedaniki</i>
	NEG=но=LOC	брать.PTCP.NOM.SG.N	кто-нибудь.DAT.SG

kuitki ḫar-mi
 что-нибудь AUX-1SG.PRS

3. *QATAMMA=ma=mu kuwat dammišḫiškānzi*

“(1) Т.к. я не нанес никакого вреда (2) и **не** взял ничего ни у кого, (3) зачем они мне так вредят?”

Обе эти неканонические позиции мотивированы информационной структурой (структурно они могут быть отождествлены с Spec,ForceP и Spec,FocP) и не влияют на сферу действия отрицания, которая тождественна базовой позиции маркеров отрицания непосредственно перед глаголом (структурно как адъюнкт глагола в слое TP).

Раздел 1.4. подводит итоги первой главы и рассматривает два вопроса – характерен ли синтаксис, рассмотренный в предыдущих разделах этой главы, для любого текста, написанного на хеттском языке или же мы можем

говорить о различных (идио)лектах. Как нам представляется, в хеттском языке мы имеем дело с двумя достаточно четко различающимися синтаксическими системами – системой, условно говоря, дипломатических текстов и системой ритуальных текстов.

В дипломатических текстах базовый порядок слов SOV, в тех редких случаях, когда глаголы находятся в неканонической позиции, они располагаются либо в начальной/первой позиции, либо внутриклаузально. Во внутриклаузальной позиции они строго ограничены в тех позициях, которые могут занимать – единственная доступная для них позиция располагается справа от тех составляющих, которые в немаркированном порядке слов занимают непосредственно предглагольную позицию, при этом они остаются ниже (= справа от) глагольных актантов (подлежащего и прямого дополнения), что можно схематично представить как S-O-V-wh/rel/indef/neg. Эту структуру клаузы мы будем обозначать как собственно хеттскую. Ей, однако, имеется значительное количество контрпримеров в прямой речи в мифах и ритуалах. В этой подсистеме засвидетельствованы сказуемые во внутриклаузальной позиции слева от субъекта и/или объекта (O-V-S/S-V-O/V-S-O, S-Prv-O-V, Prv-S-V⁴). Также очень характерным признаком ‘ритуальной системы’ является активное употребление выносов вправо и полное их отсутствие (за одним исключением) в дипломатических текстах, этому последнему будет посвящен отдельный раздел (4.2) нашей работы.

Другим отличием обеих подсистем является позиция преверба относительно сказуемого. Для собственно хеттских текстов стандартно описывается, что превербы занимают непосредственно предглагольную позицию, хотя могут отделяться от сказуемого и подниматься в левую периферию (Francia 2002a; Salisbury 2005; Tjerkstra 1999). В стандартном

⁴ См. (Sideltsev 2002; Rizza 2007, 2008, 2009; Rieken 2011; Sideltsev 2014a).

хеттском языке при наличии в предложении преверба и сказуемого поднимается только преверб, сказуемое остается на месте. Преверб + сказуемое в начальной позиции клаузы нехарактерны для собственно хеттских текстов, однако весьма частотны в ритуале Мاستикки. Другой характерной особенностью синтаксиса превербов в собственно хеттских текстах является то, что сказуемое не может подниматься мимо преверба на левую периферию предложения. Контрпримеры на это правило, как и следовало ожидать, вновь содержатся в ритуалах и мифах.

Необходимо отметить, что хотя эти системы не абсолютно изолированы, между ними имеются случаи взаимовлияния и взаимопроникновения, однако эти случаи достаточно маргинальны, чтобы ставить под сомнение существование двух различных систем.

Нам представляется, что наиболее рациональной интерпретацией этого распределения является представление этих двух синтаксических систем как двух диалектов/идиолектов, разнесенных, скорее всего функционально, по типам текстов: обращения к богам vs все остальное, относящееся к сфере собственно человеческой деятельности. Наиболее вероятно, вслед за (Rieken 2011) считать, что причиной формирования диалекта/идиолекта ритуальных текстов было иноязычное влияние, позднее переосмысленное как стилистический маркер обращений к богам. Таким образом, хеттский язык обнаруживает крайне любопытное проявление часто представленной в языках мира дихотомии «язык богов – язык людей» на синтаксическом (!) уровне.

Во второй главе мы подробно разбираем синтаксис неопределенных местоимений, прежде всего экзистенциальных кванторов и местоимений отрицательной полярности. В отличие от первой главы описание во второй главе носит функциональный характер. Это сделано намеренно, чтобы

представить всю полноту фактов, не вписывая их *изначально* в жесткие рамки конкретной формализации.

В этой главе мы демонстрируем, что помимо непосредственно предглагольной позиции, о которой мы говорили в первой главе, неопределенные местоимения демонстрируют и другую позицию в клаузе – вторую. Эта позиция неопределенных местоимений идентична второй позиции относительных местоимений и некоторым подчинительным союзам. Любопытно, что вторая позиция неопределенных местоимений не представлена в древнейшем периоде истории хеттского языка – древнехеттском. В этом контексте нами выдвигается гипотеза, что вторая позиция неопределенных местоимений в хеттском является следствием аналогии по относительным местоимениям и некоторым подчинительным союзам, которая оперировала после древнехеттского периода.

В этой же главе нами описана сфера действия неопределенных местоимений, их денотативный статус. Выдвинута гипотеза, что референтность хеттских неопределенных местоимений напрямую не соотносится с их позицией в клаузе. В то же время сфера действия хеттских экзистенциальных кванторов и местоимений отрицательной полярности хорошо описывается распространенной в типологической литературе точкой зрения, см., например, (Bobaljik, Wurmbrand 2012), согласно которой сфера действия кванторов в языках со скрэмблингом должна считываться с их синтаксической позиции: составляющая с широкой сферой действия с-командует составляющей с узкой сферой действия. В хеттском языке местоимения отрицательной полярности находятся в сфере действия операторов, которые ими с-командуют.

Наконец, в этой же главе демонстрируется, что в хеттском языке местоимения отрицательной полярности, лицензируемые разными

операторами (отрицаниями и условными операторами), ведут себя по-разному с морфосинтаксической точки зрения. В том случае, если местоимения отрицательной полярности, лицензируемые отрицанием, имеют комплемент, заполненный именной группой, происходит обязательный разрыв группы квантора: местоимение остается в предглагольной позиции, а именная группа поднимается в левую периферию клаузы:

NH/NS (СТН 97) ABoT 1.57 32-33

[KAR]AŠ ^{HL.A} =ma=wa=šši	AN[ŠE [!] .K]UR.RA [!]	lē
пехота=но=QUOT=ему	лошадь	ПРОИВ
[kui]tki	šanḥ-anz[i]	
что-то.ACC.SG.N	искать-3PL.PRS	

“Но они не должны искать **никаких** пеших или колесничих у него”.

Такое расщепление происходит лишь факультативно в случае с местоимениями отрицательной полярности, лицензируемыми условными операторами. Так, в следующем контексте оно имеет место:

MH/NS (252.A) KUB 13.8 obv. 11-12

mān	ŠA	É.NA ₄ =ma	ḥinqan-aš	waštul
если	GEN	мавзолей=но	смерть-GEN.SG.C	преступление.ACC.SG.N
kuiški			waštai	
кто-то.NOM.SG.C			грешить.3SG.PRS	

“Если, однако, **кто-нибудь** из царской погребальной структуры совершает серьезное преступление, ...”.

А в большем количестве случаев такого расщепления не происходит:

NH/NS (СТН 76.A) KBo 19.73+ obv. i 78'-79'

m[(ā)]n	[(tuk=ma	^m A)]laksand[(u)]-n	ŠEŠ=KA	[(na)š(ma
если	ты.ACC.SG=но	Алаксанду-ACC.SG	брат=твой	или

ŠA MÁŠ=KA *kuiški* *waqq*]ariy[(a-zzi)]
 GEN семья=твоя кто-то.NOM.SG.C бунтовать-3SG.PRS

“Но если **твой брат или кто-то из твоей семьи** поднимает бунт против тебя, Алаксанду, ...”.

Вторым отличием является то обстоятельство, что в большем количестве случаев (около 80%) местоимения отрицательной полярности, лицензируемые отрицанием, употребляются в позиции между превербом и глаголом:

NH/NS (СТН 204) Msk. 73.1097 17-19

<i>kinuna=šši=kan</i>	<i>apā-t</i>	É- <i>er</i>	^{GIŠ} KIRI ₆ .GEŠTIN= <i>ya</i>
сейчас=ему=LOC	тот-ACC.SG.N	дом.ACC.SG.N	виноградник=и
<u><i>ar[ha]</i></u>	<i>lē</i>	<i>kuitki</i>	<i>ta-t[t]i</i>
прочь	ПРОНІВ	как-то	братъ-2SG.PRS

“Сейчас то хозяйство и виноградник ты не должен **никоим образом** з[а]бирать у него!”

При этом местоимения отрицательной полярности, лицензируемые условным оператором, употребляются в позиции перед (слева от) преверба:

INH/NS (СТН 577.I) KBo 2.2 obv. i 45-46

(Лихорадка, которая была ранее определена для моего величества, случится ли она до того, как он сядет на царство? [...] Или в те дни, когда мое величество бьют х., – о чем мы беспокоимся заранее –)

<i>n=an=kan</i>	: <u><i>tapašša-š</i></u>	<i>apiya</i> <i>kuiški</i>	<i>anda</i>
CONN=его=LOC	лихорадка-NOM.SG.C	потом кто-то.NOM.SG.C	в
<i>wetiya-zi</i>			
найти-3SG.PRS			

“случится ли **какая-нибудь** лихорадка с ним тогда?”

Эта особенность хеттской системы неопределенных местоимений является уникально редкой с типологической точки зрения характеристикой местоимений отрицательной полярности и вносит важный вклад в типологию местоимений отрицательной полярности.

Третья глава посвящена клитизации и второй позиции.

Раздел 3.1. рассматривает эмпирические данные, полученные во второй главе, на более широком фоне ваккернагелевских и неваккернагелевских вторых позиций в клаузе. Как известно (Циммерлинг 2013), ограничение второй позиции состоит в том, что некоторая составляющая находится в предложении на втором месте от левой границы. При этом вторая позиция определяется либо фонологически (после первого фонологического слова), либо синтаксически (после первой группы). Как правило, фонологически определяется позиция безударных ваккернагелевских клитик, как *=wa=kan* в следующем хеттском примере:

MH/MS (CTH 262) IBoT 1.36 obv. i 57

<i>mān=wa=[ka]n</i>	<i>šarā=ma</i>	<i>kui-š</i>
если=QUOT=LOC	вверх=но	который-NOM.SG.C
<i>antūwahḥa-š</i>	<i>ḥandāi-zzi</i>	
человек-NOM.SG.C	располагать-3SG.PRS	

“Если какой-то человек сумеет под(няться)”.

Напротив, синтаксически определяется вторая позиция ударных слов. Единственной известной нам ударной второй позицией являются глаголы в большинстве германских языков, кашмири и бретонском (Vikner 1995; Holmberg 2015; Munshi, Bhatt 2009):

Dieses *Buch* *hat* *Peter* *gelesen*. немецкий

Этот.ACC.SG.N книга AUX Петер читать.PTCP

“Эту книгу Петр **прочел**” (Vikner 1995: 39).

yi kita:b dits me sali:m-an кашмири

этот книга дать.PST.FSG я.DAT Салим-ERG

“Салим **дал** мне эту книгу” (Munshi, Bhatt 2009: 207).

Разумеется, среди языков мира существуют достаточно редкие случаи, которые являются переходными между фонологически определенной второй безударной позицией клитик и синтаксически определенной второй ударной позицией глагола. Так, например, в чешском и пушту первая позиция для безударных энклитик обеспечивается только всей составляющей, а не первым фонологическим словом в клаузе, что в норме характерно для второй позиции ударных глаголов, см. (Циммерлинг 2013: 39, 62) для чешского:

Tohle staré kolo se ti ednou rozpadne

этот старый велосипед REFL ты.DAT однажды развалиться.3SG

“Этот старый велосипед **у тебя** однажды развалится”

В таких случаях различие между второй позицией безударных энклитик и ударных глаголов практически исчезает. В данной главе мы рассматриваем материал хеттского языка, который также демонстрирует то, что клитизация и вторая позиция устроены более сложно, чем это обычно предполагается: кроме чисто фонологически обусловленной или чисто синтаксически обусловленной второй позиции в языках мира существует класс явлений, которые совмещают синтаксическую и фонологическую обусловленность второй позиции, причем принцип совмещения в хеттском радикально отличается от чешского.

Типологически необычной характеристикой хеттского языка является то, что в хеттском языке представлено две вторых позиции. Одна из них

является прототипической ваккернагелевской позицией, в которой находятся большинство безударных энклитик. Другая позиция является неваккернагелевской второй позицией. Общей характеристикой составляющих и ваккернагелевской, и неваккернагелевской второй позиции является то, они разбивают любые составляющие. Иными словами, они должны быть вторыми после первого фонологического слова, а не после первой составляющей. В следующем примере мы видим это для неопределенного местоимения, которое находится между частями именной группы *apēdaš antuḥšaš* “этих мужчин”:

NH/NS (СТН 68.С) КВо 5.13 obv. iii 27-28

nu=ššan apēdaš kuwatqa antuḥšaš parā uški-ši
 CONN=LOC те.DAT.PL как-то мужчина.DAT.PL вне видеть-2SG.PRS

“Но ты **как-то** игнорируешь (действия) этих мужчин, ...”.

Однако существуют и несколько важных отличий между ваккернагелевской и неваккернагелевской позициями: (а) в то время как ваккернагелевские энклитики располагаются во второй позиции после любого фонологического слова слева от них – как проклитики *nu*, так и первого ударного слова, неваккернагелевская вторая позиция не считает первой некоторую закрытую группу слов (*nu, mān, kāš(m)a, našta, namta, kui-*). (б) Только безударные энклитики располагаются в ваккернагелевской второй позиции, следовательно, она является фонологически определенной второй позицией. В неваккернагелевской второй позиции располагаются как безударные энклитики *-(m)a, -(y)a*, так и ударные неопределенные местоимения:

NH/NS (СТН 105.А) KUB 23.1+ obv. ii 29-30

nu ziqq=a kuatqa šA ^mMašturi iwar iya-ši

CONNты.NOM.SG=и возможно GEN Мастури как делать-3SG.PRS
 “Ты, **возможно**, будешь вести себя как Мастури?”

Различие между позициями особенно явно следует из примеров типа

MH/MS (СТН 262) IBoT 1.36 obv. ii 63

mān=ši *peran=ma* *kuwapi* KASKAL-*i-š* *ḥatku-š*
 если=ему вперед=но где дорога-NOM.SG.C узкий-NOM.SG.C

“**Но** если дорога впереди в каком-то пункте слишком узкая для него”.

В таких случаях ваккернагелевские энклитики (в примере =*ši* “ему”) клитизируется к первому фонологическому слову, а *-(m)a* и неопределенное местоимение употребляются в другой позиции. При этом важно то, что даже из материала мертвого хеттского языка следует, что неопределенные местоимения в хеттском не являются энклитиками. Так, в отличие от прототипических энклитик, в том числе и *-(m)a*, они могут начинать новую строку:

MH/MS (СТН 188) НКМ 46 obv. 15-16

15. *man=kan* ^DUTU-*š=I* *BELÍ=YA* *BELU*
 если=LOC солнце=мое господин=мой господин

16. *kuinki* *parā* *nai-tti*
 кто-то.ACC.SG.C вне послать-2SG.PRS

“Если бы Твое Величество, мой господин, послал **какого-нибудь** господина, ...”.

Прототипические энклитики, как ваккернагелевские, так и неваккернагелевские, никогда не начинают строку. Более того, существует нетривиальный параллелизм между неваккернагелевской второй позицией и непосредственно предглагольной позицией. И *-(m)a*, *-(y)a*, и неопределенные местоимения употребляются в обеих этих позициях. Мы иллюстрируем этот

параллелизм двумя следующими примерами, в первом из них мы видим вторую позицию в клаузе, а во втором – непосредственно предглагольную:

MH²/NS (СТН 258.1.A) KUB 13.9 obv. ii 8–9

<i>mān</i>	<i>tayizzil-ašš=a</i>	<i>kuiški</i>	<i>šarnikzel</i>
если	кража-GEN.SG=и	кто-то.NOM.SG.C	компенсация.ACC.SG.N
<i>piy-an</i>		<i>ḥar-zi</i>	
платить-PTCP.ACC.SG.N		иметь-3SG.PRS	

“Если **кто-то** также заплатил компенсацию за кражу ...”.

NH/INS (СТН 563.2) KUB 5.4 obv. i 33, 35

1.	BAL	<i>andurza</i>	<i>kuiški</i>	DÙ-zi ...	
	бунт	внутри	кто-то.NOM.SG.C	делать-3SG.PRS	
2.	<i>nu</i>	BAL	<i>arahza=ma</i>	<i>kuiški</i>	DÙ-zi
	CONN	бунт	снаружи=но	кто-то.NOM.SG.C	делать-3SG.PRS

“(1) **Кто-то** взбунтуется внутри? ... (2) **Кто-то** взбунтуется снаружи?”

То, что мы имеем дело с разными позициями, следует из разных значений $-(m)a$ и $-(y)a$ во второй и непосредственно предглагольной позициях: во второй позиции $-(m)a$ имеет значение контрастивного топики, а в предглагольной – идентификационного фокуса. $-(y)a$ во второй позиции маркирует аддитивность и имеет значение “и”, а в предглагольной позиции маркирует идентификационный фокус и имеет значение “даже”.

Таким образом, во второй позиции в хеттском языке употребляются как безударные, так и ударные слова. При этом сама вторая позиция определяется фонологически. Сочетание этих характеристик представляет собой интересный переходный случай между описанными выше синтаксическими и фонологическими вторыми позициями. Насколько нам известно, единственным аналогичным материалом являются ударные клитики (превербы и относительные местоимения) в ведийском в описании

(Lowe 2014). Таким образом, данные этого раздела позволяют скорректировать чисто синтаксическое описание хеттских неопределенных местоимений, предложенное в первой главе. Просодико-синтаксическое описание на основе более полного учета хеттских эмпирических данных из второй главы точнее описывает дистрибуцию неопределенных местоимений в клаузе, равно как и загадочные немотивированные в первой главе подъемы глагола во внутриклаузальную позицию. В свете данных из третьей главы эти подъемы происходят для того, чтобы обеспечить первую позицию для неопределенных местоимений внутри клаузы.

В отличие от ведийского, однако, хеттские слова второй позиции употребляются как в левой периферии, так и в непосредственно предглагольной позиции. В типологической перспективе в конкретном языке обычно засвидетельствованы либо только вторая, либо только приглагольная позиции для клитического кластера, однако языки, где представлены и вторая, и приглагольная позиции, все же встречаются, например церковнославянский, староболгарский, старосербский (Pancheva 2005: 116-7), см. следующие старославянские примеры из (Pancheva 2005: 116):

Ouže ti neprijaznъ ne oudobъjaje-tъ
уже тебя неприязнь NEG править-3SG.PRS
“Неприязнь больше не распространяется на **тебя**”

Do kolě trъrpljo vu.
до сколько терпеть-1SG.PRS вас
“До коли я буду терпеть **вас**?”

Однако системы типа польской радикально отличаются от хеттской: в польском и подобных ему языкам первая в клаузе позиция ориентирована на левую границу клаузы, в то время как предглагольная позиция ориентирована на глагол. В хеттском хотя мы и называем

внутриклаузальную позицию непосредственно предглагольной, очевидно, что они не приглагольна, т.к. клитический кластер может отделяться от глагола составляющей. В норме с приглагольными клитиками такого не происходит (Pancheva 2005).

Хеттский материал, скорее параллелен данным ряда языков Кавказа, во-первых, прифокусным энклитическим показателям:

армянский

Ara-n *or* *girk-n* *e* *k'artatsel* ?

Ара-DEF[NOM] какой книга-DEF[ACC] быть читать

“Какую книгу прочитал Ара?” (Megerdooian, Ganjavi 2009).

лакский

uIrc-lul-li *q̄atri* *d-u-r-s̄-a*

мальчик-ERG-3SG дом.NOM 4CL-строить.PST-4CL-PART

“Дом построил мальчик” (Kazenin 2002: 292).

талышский

mæštæ *kæ-dæ=š̄* *bæ-b-e*

завтра дом-LOC=2SG₁ ТАМ-быть-INF

“Ты будешь завтра дома?” (или где-то еще?) (Stilo 2008: 383).

mæštæ=š̄ *kæ=dæ* *bæ-b-e*

завтра=2SG₁ дом-LOC ТАМ-быть-INF

“Ты будешь дома завтра?” (а не сегодня?) (Stilo 2008: 383).

Как мы помним, в хеттском предглагольные *-(m)a* и *-(y)a* также являются маркерами идентифицирующего (Kiss 1998) фокуса. С другой стороны, хеттские неопределенные местоимения явным образом несводимы к маркерам идентификационного фокуса и, скорее параллельны армянским связкам в предложениях без узкого фокуса:

šun-ə *vaz-um* *a*⁵
 собака-NOM бежать-PROG быть.3SG.PRES
 “Собака бежит”.

ara-n *girk^h* *a* *kart^h-um*
 Ара-NOM книга быть.3SG.PRES читать-PROG
 “Ара читает книгу / Ара читает книги”.

es *šun-ə* *arag* *a* *vaz-um*
 этот собака-NOM быстро быть.3SG.PRES бежать-PROG
 “Собака бежит быстро”.

ara-n *šat* *a* *girk^h* *kart^h-um*
 Ара-NOM очень быть.3SG.PRES книга читать-PROG
 “Ара много читает (книг)” (Kahnemuyiour, Megerdoomian 2011: 153).

Если мы сопоставим хеттские данные с типологическими параллелями, а также попытаемся объяснить, почему неопределенные местоимения, а также *-(m)a* и *-(y)a* не считают некоторую группу слов за первую позицию, мы получим и ответ на вопрос о том, что определяет столь странную дистрибуцию всех этих слов в клаузе.

Ключевым при этом является вопрос, почему неопределенные местоимения, а также *-(m)a* и *-(y)a* не считают некоторую группу слов за первую позицию. Проще всего объяснить это, предположив, что эти слова (*ni*, *mān*, *kāš(m)a*, *našta*, *namta*) располагаются в слое, которые располагается выше того слоя, в котором размещаются неопределенные местоимения, а также *-(m)a* и *-(y)a*. Поскольку *-(m)a* и *-(y)a* с точки зрения набора их функций (сентенциальный контраст, контрастивный или новый топик для *-(m)a*; аддитивность, аддитивный фокус для *-(y)a*) лучше всего

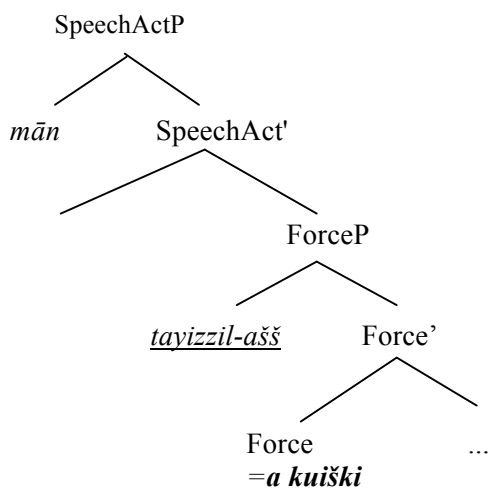
⁵ Примеры приводятся в той форме, в какой они представлены у (Kahnemuyiour, Megerdoomian 2011). Это, в первую очередь, касается формы глагола-связки *a* вместо стандартного *e*, отражающей диалектную форму.

располагать в вершине верхней проекции расщепленного слоя CP – Force⁰, для *ni*, *mān*, *kāš(m)a*, *našma*, *namta* надо предположить позицию в слое, который доминирует над CP. В литературе было предложено, что *ni*, *mān*, и т.п. находятся в слое Speech Act над CP, ср. (Hill 2007, Naegeman 2014, Naegeman, Hill 2014) для фламандского и румынского. Так для следующего предложения фрагмент дерева будет выглядеть так:

MH²/NS (CTH 258.1.A) KUB 13.9 obv. ii 8–9

mān *tayizzil-ašš=a* ***kuiški*** *šarnikzel*
 если кража-GEN.SG=и кто-то.NOM.SG.C компенсация.ACC.SG.N
piy-an *ħar-zi*
 платить-PTCP.ACC.SG.N AUX-3SG.PRS

“Если **кто-то** также заплатил компенсацию за кражу ...”.

Такое представление структуры предложения означает, что *-(m)a* и *-(y)a*, а также неопределенные местоимения являются фазовыми клитиками – т.е. располагаются на краю фазы. Как известно из теории фаз, синтаксических фаз две – CP и vP (Chomsky 2001). Соответственно, распределение *-(m)a*, *-(y)a* и неопределенных местоимений идеально ложится на эти фазы: в левой периферии они располагаются в вершине Force⁰ на краю фазы CP, а в непосредственно предглагольной позиции они находятся в

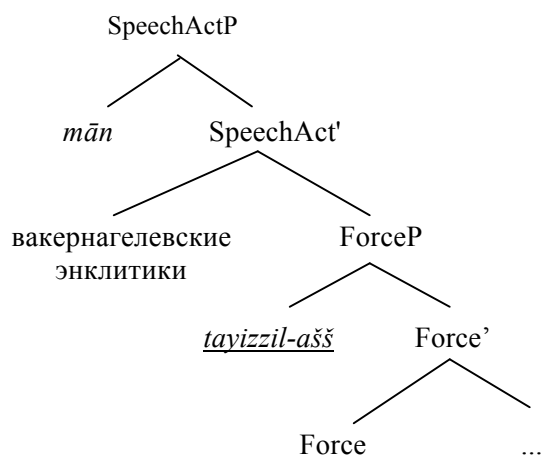
вершине v^0 на краю нижней фазы vP . Определение второй позиции относительно фазы уже предполагалось для армянских примеров выше в работе (Kahnemuyiour, Megerdooian 2011): в армянском внутриклаузная вторая позиция будет определяться относительно vP в рамках фазовой теории. В отличие от армянского, в хеттском каждая из позиций $-(m)a$, $-(y)a$ и неопределенных местоимений определяется относительно обеих фаз – и CP , и vP . Также такое представление материала будет предполагать более низкую позицию фокуса, чем это было предложено в первой главе – во втором спецификаторе vP . Низкая позиция фокуса предполагается для различных других языков, см. (Belletti 2003; Brody, Szabolcsi 2003; Butler 2004; Jayaseelan 2006-8; Wolfe 2015).

Такая вторая позиция в хеттском представляет собой типологически нетривиальную характеристику хеттского языка, которая из известных нам фактов аналогична только ведийским синтаксическим клитикам в описании (Lowe 2014). В типологическом и теоретическом плане данные хеттского языка исключительно важны, т.к. хеттские синтаксические клитики демонстрируют, что граница между явлениями второй позиции, определяемыми синтаксически и фонологически, намного более размыта, чем это обычно предполагается. Они совмещают характеристики прототипических синтаксических Verb2 и фонологических clitic2 систем.

Хотя во второй главе мы выдвинули гипотезу, что неопределенные местоимения идентичны относительным местоимениям и подчинительным союзам во второй позиции, более пристальный анализ материала показывает, что это не совсем так. Относительные местоимения и подчинительные союзы отличаются от неопределенных местоимений: они могут клитизировать $-(m)a$ и $-(y)a$ и они демонстрируют ограничение 1/2 позиции, т.е. они могут быть не только вторыми, но и первыми в клаузе. Таким образом, их следует

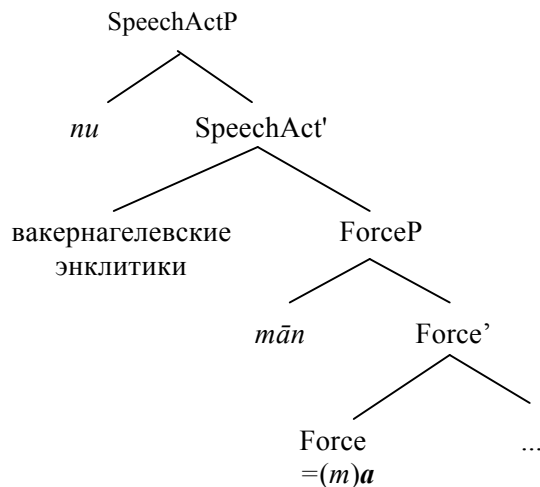
описывать так же, как аналогичные относительные местоимения/подчинительные союзы в кашмири (Munshi, Bhatt 2009): они поднимаются в спецификатор проекции, над которой непосредственно доминирует ForceP в левой периферии, или FocP в непосредственно предглагольной позиции. Если спецификаторы ForceP и FocP заполнены, относительные местоимения/подчинительные союзы находятся во второй позиции. Если спецификаторы не заполнены, они находятся в первой позиции.

Раздел 3.2 этой же главы рассматривает диахронические изменения той системы, которая описана в разделе 3.1 с синхронной точки зрения, а именно диахроническое изменение синтаксиса двух энклитических союзов/маркеров топика/фокуса в хеттском языке, *-(m)a* ‘но’ и *-(y)a* ‘и’. Их дистрибуция существенным образом различается в древне/среднехеттском и в новохеттском. Как показано в предыдущем разделе, в древне/среднехеттском они занимают, в основном, вторую позицию в клаузе, но при этом не учитывают как первую позицию ряд составляющих (*ni*, *mān*, *kāš(m)a*, *pašta*, *patma*, *kui-*). Мы объясняем это тем, что *ni*, *mān*, и т.п. находятся в слое Speech Act, следуя за (Hill 2007, Haegeman 2014, Haegeman, Hill 2014), в то время как *-(m)a* и *-(y)a* поднимаются в Force⁰. Формализовать это понимание можно следующим образом:

=*a kuiški*

Однако в новохеттском $-(m)a$ и $-(y)a$ начинают клитизироваться к большей части этой группы, но не к *ni*. Это отличие между дистрибуцией $-(m)a$ и $-(y)a$ в древне/среднехеттском и в новохеттском объясняется нами не как изменение синтаксиса $-(m)a$ и $-(y)a$, а как изменение структуры клаузы в левой периферии. В новохеттском большая часть составляющих, которые первоначально располагались в слое Speech Act, начали располагаться в слое CP, в Spec,ForceP. Поскольку $-(m)a$ и $-(y)a$ находились в Force⁰, они начали клитизироваться к этим составляющим в новохеттском. *ni* же оставалось в Speech Act до конца письменной истории хеттского языка, поэтому клитизация к нему частиц, располагавшихся ниже в структуре клаузы, была невозможна. Соответственно, структуру левой периферии в новохеттском можно представить так:

Изменение структуры левой периферии в хеттском произошло посредством аналогического давления со стороны подчинительных союзов, которые изначально располагались в Spec,ForceP, при этом изменение не было проведено полностью до конца письменной истории хеттского языка. В структурных терминах это означает, что для группы, которая исходно не клитизировала $-(m)a/-(y)a$, в новохеттский период существовали два варианта

структуры клаузы:

- (а) Одна, в которой эта группа была вне CP в слое Speech Act и где она не клитизировала $-(m)a/-(y)a$, находившиеся в Force⁰.
- (б) Другая, введенная по аналогии система, где данная группа была внутри CP в Spec,ForceP и где она клитизировала $-(m)a/-(y)a$, которые находились в Force⁰.

С точки зрения диахронической типологии все это представлялось бы тривиальным, если бы не одно обстоятельство. Как мы помним из предшествующего раздела, вторую позицию в хеттском языке занимают не только $-(m)a/-(y)a$, но и неопределенные местоимения, а также, с некоторыми оговорками, относительные местоимения и некоторые подчинительные союзы. Для той группы слов, которая изначально не являлась первой позицией для $-(m)a/-(y)a$, имеется мощное аналогическое давление со стороны подчинительных союзов, являющихся первой позицией для $-(m)a/-(y)a$. См. следующие два примера, которые демонстрируют древне/среднехеттскую систему и отправную точку аналогии. В первом из них *mān* “если” не является первой позицией для $=ma$

ОН-МН/MS (СТН 262) IBoT 1.36 rev. iv 23

mān=ašta ^{GIŠ}GIGIR-za=**ma** *kuwapi anda pai-zzi*

если=LOC колесница-ABL=но где в идти-3SG.PRS

“Если, **однако**, он не едет в какое-то место на колеснице, ...”

Во втором *māhhan* “когда” является первой позицией для $=ma$:

ОН-МН/MS (СТН 262) IBoT 1.36 obv. ii 23–24

māhhan=ma=[ka]n[?] ^{GIŠ}huluganni-š *parā iyanna-i*

когда=но=LOC повозка-NOM.SG вне двигаться-3SG.PRS

“**Но** когда повозка выезжает.”

Влияние *māḥḥan* “когда” на *mān* “если” приводит к тому, что в следующий период развития хеттского языка, новохеттский, *mān* “если” клитизирует =*ma*:

MH/NS (СТН 264.A) KUB 13.4 rev. iii 68

<i>mānn=a=za</i>	MUNUS- <i>i</i>	<i>kui-š</i>	GAM- <i>an</i>	<i>šeš-zi</i>
если=и=REFL	женщина-DAT.SG	какой-NOM.SG.C	вниз	спать-3SG.PRS

“Также когда кто-то спит с женщиной.”

В отличие от *-(m)a/-(y)a* для того, чтобы группа слов, первоначально не считающаяся как первая, стала считаться таковой для относительных и неопределенных местоимений, не было отправной точки для аналогии, поэтому для них была представлена практически только первая система, что видно, в частности из предыдущего примера, где *-(y)a* считает *mān* “если” за первую позицию, а относительное местоимение *kuiš*, функционирующее как неопределенное, нет. Поэтому, с синхронной точки зрения и структура (а), и структура (б) левой периферии функционируют *одновременно* в одной и той же клаузе!

Таким образом, объяснение по аналогии обеспечивает конкретный сценарий того, как произошло изменение в структуре клаузы. Оно объясняет, почему граница между слоями Speech Act и CP во многих случаях нечетка, и, что еще более важно, почему разные составляющие второй позиции находятся в различно устроенной левой периферии в одном и том же предложении. Таким образом, данный раздел вносит вклад в диахроническую типологию и существенным образом уточняет понимание действия изменений по аналогии.

Глава 4 посвящена анализу местоименной репризы, т.е. употребления энклитического анафорического местоимения в одной клаузе с кореферентной ему именной группой и полноударным местоимением.

Хеттский язык демонстрирует довольно развитую систему местоименной репризы, рассмотрение которой позволяет нам поднять более общие проблемы синтаксического анализа мертвого языка в отсутствие части значимых данных, а также проблемы типологии языковых изменений. В отличие от формального метода анализа предыдущей главы в этой главе мы будем пользоваться функционалистским подходом.

Первой в разделе 4.1 мы рассматриваем местоименную репризу именных групп, которые находятся в базовой клаузе, и ее отличие от аппозитивных структур. На первый взгляд кажется, что обе эти структуры, каждая из которых состоит из энклитического местоимения и кореферентной именной группы, невозможно различить на материале мертвого языка в отсутствие просодических и интонационных данных, которые очень легко различают эти две категории.

Единственный доступный нам способ различить эти две категории – это на основании типологии местоименной репризы и аппозитивных структур выявить те функции, которые представлены или только для местоименной репризы, или только для аппозитивных структур. Как хорошо известно из типологии, см. следующий раздел, местоименная реприза маркирует топиальность. В сфере топиальности функцией местоименной репризы в хеттском языке, которая не представлена у аппозитивных структур в типологической перспективе, как следует из (Hackstein 2010, Heringa 2012, Bertrand 2014), является непосредственная анафора после первого упоминания, как в следующем примере:

NS (СТН 461.D) KUB 44.63+ obv. ii 4`-9`

1. *mān=ma=aš apiz=ma IŠTU Ú UL [SIG₅-r]i*

2. *nu=šši=[kan] kī Ú anda tarneškizzi*

3. *kuitma[n]=aš=kan wašši [] anda nāwi tarnai*
4. *n=an=kan hūtak SAG.DU-an [] mān 1-ŠU mān 2-ŠU GUL-aḥzi*
5. *nu=šši=kan iṣḥar_i arḥa tarnai-i*
 CONN=ему=LOC кровь.ACC.SG.N прочь пускать-3SG.PRS
6. *mahḥan=ma=at_i=šši=kan iṣḥar_i arḥa tarnai-i*
 когда=но=это=ему=LOC кровь.ACC.SG.N прочь пускать -3SG.PRS
7. *nu=šši=kan kī Ú anda tarnai*

‘(1) Но если он не выздоравливает от этого растения, (2) он(а) прикладывает это растение к нему. (3) Пока он(а) не прикладывает траву, (4) он(а) тут же бьет его по голове один или два раза, (5) и он(а) пускает ему кровь_i. (6) Но когда он(а) пускает ему ее_i, кровь_i, (7) он(а) прикладывает ему это растение’.

Что же касается аппозитивных структур, в однозначно атрибутируемых случаях местоимения представлены 1 и 2 лицом, а именная группа выражает дополнительную информацию о референте местоимения, как в

МН/MS (СТН 28.А) КВо 16.47 obv. 6`-7`

māḥḥan=ma=at=mu_i ANA ^DUTU-Š=I_i [āšš]aw-ēš
 как=но=они=мне_i к солнце=мое_i хороший-NOM.PL.C

“Как они ко мне_i, моему величеству_i, лояльны, ...”.

Все остальные случаи, когда энклитическое местоимение употребляется в одной клаузе с полноударной именной группой в канонической позиции, двусмысленны между местоименной репризой и аппозитивными структурами, включая случаи снятия референциальной неоднозначности, которая представлена как у местоименной репризы, так и у аппозитивных конструкций.

Таким образом, в некоторых случаях типологические данные становятся единственным механизмом синтаксического анализа мертвого языка.

В следующем разделе 4.2 мы показываем, что дополнительным – хотя и не основным – аргументом в пользу существования местоименной репризы в хеттском является то, что она хорошо вписывается в характеристики местоименной репризы как морфосинтаксической категории, представленной в ряде языков мира. В данном разделе мы рассматриваем фрагмент типологии местоименной репризы, а именно хеттские параллели наиболее изученному варианту местоименной репризы – в языках балканского языкового союза, см, например из недавних публикаций сборник (Kalluli, Tasmowski 2008).

Как мы уже отмечали, основной функциональной сферой, которую маркирует местоименная реприза, является топикальность. Для местоименной репризы в языках балканского языкового союза значимой является ингерентная топикальность. Ингерентная топикальность включает в себя следующие категории: одушевленность, референтность, определенность, квантификацию универсальными кванторами, роли агенса и реципиента, личные местоимения 1 и 2 лица. В реальной речи большая часть этих ингерентно топикальных категорий совместимы с фокусным информационным статусом. Конфликт между ингерентной и контекстной топикальностью в языках балканского языкового союза разрешается обычно в пользу ингерентной топикальности.

Синхронно местоименная реприза в языках балканского языкового союза может быть как согласовательной категорией (когда она маркирует косвенные дополнения вне зависимости от их информационной структуры и определенности), так и мотивированной информационной структурой

категорией (наиболее часто она маркирует топикальность). Важно подчеркнуть диахроническую преемственность обоих случаев: они оба находятся на одной шкале грамматикализации, но в разных ее точках. Также существенно, что грамматикализация местоименной репризы на Балканах начинается с ингерентно топикальных категорий: так, косвенные дополнения *ингерентно* топикальны, а именные группы с информационным статусом топики *дискурсивно* топикальны.

Хеттский материал, в целом согласуясь с балканскими данными, демонстрирует интересные отличия в деталях. Для хеттского местоименная реприза также синхронно мотивирована топикальностью, более конкретно сменой дискурсивного статуса соответствующей именной группы от нетопикального к топикальному или же маркированием нового топики. При этом иерархия ингерентной топикальности оказывается незначимой для хеттского языка: более высокая степень ингерентной топикальности именной группы не вызывает в хеттском ее более распространенное/регулярное употребление с местоименной репризой. С синхронной точки зрения, местоименная реприза в хеттском обусловлена исключительно *дискурсивной* топикальностью.

Важно подчеркнуть, что хеттский демонстрирует самые первые этапы развития местоименной репризы. Это следует из мотивированности этого явления исключительно информационной структурой (смена топики, как и в части языков балканского языкового союза), ее редкости и необязательности.

В последнем разделе этой главы, 4.2.1, мы рассматриваем местоименную репризу именных групп, которые находятся за пределами базовой клаузы, в первую очередь на правой периферии, в постглагольной позиции. На первый взгляд хеттские постглагольные именные группы распадаются на три класса:

Afterthought (AFT) – одна или две именных группы в постглагольной позиции, которые не сопровождаются местоименной репризой и которые маркируют забытую, пропущенную или дополнительную информацию, не введенную вовремя в базовую клаузу;

Extrapolation. Постглагольная именная группа в этом типе всегда является тяжелой составляющей (несколько сочиненных именных групп). Она дублируется ударным местоимением или генерическим существительным в базовой клаузе, маркирует информационный фокус и функционирует как презентативная конструкция;

Right dislocation (RD). Именная группа в постглагольной позиции топикальна. В отличие от AFT не служит для снятия референтной неоднозначности у энклитического местоимения в базовой клаузе, так как его референция однозначна.

Однако, как очевидно из более пристального изучения постглагольных именных групп, эта система должна быть модифицирована. Категории AFT и RD должны быть расщеплены на две каждая:

типологически регулярные AFT-I

NS (СТН 381.A) KUB 6.45+ rev. iii 35

nu=mu=kan DINGIR^{MEŠ}-*aš* *uwayanu-t* *dapi-aš*
 CONN=меня=LOC бог-DAT[?].PL вступиться-2SG.IMP весь-DAT[?].PL

“Вступишь за меня перед богами, перед всеми (ними)” ;

типологически aberrantные фокусные AFT-II

MS/OH (СТН 725.J) KUB 48.2+ obv. 1`-3`

1. [(DINGIR^{MEŠ} KUR)]^{MEŠ} *maniy*[(*ahhir*)]

2a. [(dā-ir=m)]a=at_i ^{URU}HA[(TTUŠ-I šalli ^G)]^{IŠŠÚ.A}_i
 ставить-3PL.PST=но=его_i ХАТТУСА-LOC.SG великий.ACC.SG.N трон_i

3a. dair=m[(a=at)]

4. nu=za labarnaš LUGAL-uš eš[ari^(?)]

“(1) [(Боги)] распределили [(земл)]и. (2) В ХА[(ТТУСЕ)] [(они установили)] его_i, большой трон_i. (3) Они установили [(его)] (4) (так, чтобы) Лабарна, царь, мог сес[ть]”.

Хаттский:

2b. ø=šū=ø=wa_a=ø ^{URU}Hattuš tittah=zilat

3b. ø=šū=ø=wa_a=ø;

типологически регулярные RD-I

NH/INS (CTH 255.2.A) KUB 26.1+ rev. iv 11-19

1. [n]ašma mān memiaš kuiški_i ēšzi

2. [na]šma=aš_i :kuništayalliš=pat kuiški

3. [(na)]šma=aš_i ŠA MUNUS^{TI}

4. ^DUTU^{ŠI}=ma=tta punušmi

5. [(n=a)]n_i lē šanna-tti memi-an_i

CONN=его_i ПРОНІВ прятать-3SG.PRES дело_i-ACC.SG.C

“(1) Или если есть какое-то дело_i – (2) [ил]и это_i что-то конфиденциальное[?] (3) [и]ли это_i (дело) женщины – (4) но я, Мое Величество, спрашиваю тебя (об этом), (5) не скрывай [е]го_i, дело_i!”;

типологически аберратные фокусные RD-II

OH/MS (CTH 725.J) KUB 48.2+ KBo 51.216 obv. 5`-8`

1a. [(mān=)]at tapari[(yaweni=ma laba)]rnaš LUGAL-waš É-ir

2a. [(iya-wen)]i=ma=aš_i HUR.SAG^{HL.A}_i

делать-1PL.PRS=но=их_i гора_i.PL

3a. n=aš_j=š_i [(pi-weni SIG₅-and)]uš NA₄[(^{HL})]^A_j

CONN=их_j=ему давать-1PL.PRS благоприятный-ACC.PL.C камень_j.PL

«(1) [Когда они¹] определи[ли] его, дом лаварны, царя, (они говорили так:) “(2) М[ы сделае]м их_i, горы_i, (3) [мы дадим] их_j, [благоприят]ные камн[и]_i для этого”».

Хаттский:

1b. *anna e=š=kā=her=pi tabarn[a=n katte] lē=wa_aēl*

2b. *nī=pu=pē zīš*

3b. *pala (y)a=e/ya i=malhip.*

Эта сложная таксономия представляет собой всего лишь попытку эксплицировать типологически странную хеттскую систему, а именно тот факт, что помимо типологически регулярных конструкций правой периферии (AFT-I, RD-I) в хеттском существуют конструкции, которые не имеют очевидных типологических параллелей (RD-II, AFT-II) и которым, таким образом, сложно навесить конвенциональные ярлыки. Суть в различии между ними состоит в том, что только в AFT-I, RD-I подглагольная составляющая является топиком, как и ожидается из типологии правой периферии (Lambrecht 1981; Averintseva-Klisch 2006; Erguvanlı 1984; Fretheim 1995; Ashby 1988; Mithun 1999: 196; Lambrecht 2001; Кибрик, Подлеская 2009; Gordon 2008; Mayol 2007; Ward, Birner 1996; Givón 1976; Bresnan, McNombo 1987; Iemmolo 2010). В RD-II, AFT-II она представляет собой фокус, что в литературе эксплицитно признается невозможным для выносов вправо.

Из этих конструкций только типологически регулярные топикальные AFT-I и экстрапозиции являются собственно хеттскими конструкциями, поскольку они встречаются как в переводах, так и в текстах, написанных на хеттском языке. Помимо еще одной собственно хеттской структуры, выноса глагола в первую позицию, они использовались в переводах с хаттского, причем часто таким образом, который значимо отклоняется от собственно

хеттского синтаксиса. И типологически регулярные RD-I, и типологически аберрантные RD-II, AFT-II встречаются исключительно в переводных текстах, а также в текстах, испытавших иноязычное влияние. Более того, подробное исследование хаттско-хеттских билингв позволяет увидеть конкретный механизм, как именно эти конструкции возникли в хеттском языке в переводах с хаттского: хаттский порядок слов VOS был калькирован хеттском, каноническим порядком слов которого является SOV, а местоимение, дублирующее кореферентную именную группу, было введено по аналогии с двумя собственно хеттскими структурами – LD и экстрапозиции при контаминации со стороны выноса глагола в первую позицию. Причиной появления типологически аберрантных RD-II явилось то, что (1) была проведена пропорция между структурами, которые не соответствуют типологически регулярным RD – выносами влево (left dislocations), и экстрапозициями, а также то, что (2) результат пропорции, уже типологически нерегулярной, был применен для перевода хаттских постглагольных именных групп, которые не имели ничего общего с RD с точки зрения информационной структуры. Кроме этого, в переводах с хаттского очень ясно представлены следы влияния подъема глагола в первую позицию на RD⁶. Сходным образом даже собственно хеттский вынос глагола в первую позицию и AFT часто употреблялись в переводах способом, несопоставимым с собственно хеттским синтаксисом, поскольку они калькировали хаттский порядок слов.

Позже, под лувийским влиянием, сохранились лишь типологически регулярные RD-I, при этом они были полностью ассимилированы лувийским RD. Это произошло в текстах, испытавших лувийское влияние.

⁶ Строго говоря, в этом контексте больше удивляет то, что типологически регулярные RD-I вообще засвидетельствованы! Типологически регулярный характер RD-I при таком подходе должен быть случайным.

Типологически отклоняющиеся RD-II и AFT-II никогда не засвидетельствованы в этих текстах.

В более общем плане данный раздел вносит вклад в диахроническую типологию. При анализе хеттских выносов вправо был выявлен диахронический механизм развития типологически «абберантных» морфосинтаксических категорий в ситуации языковых контактов. Описан подробный сценарий, как в результате интерференции двух типологически регулярных систем – хаттского согласования глагола с актантами и хеттской системы подъема глагола в первую позицию и экстрапозиций – в ритуальных текстах на хеттском языке сформировалась типологически абберантная система выносов вправо (right dislocations), которые только частично соответствуют выносам вправо, описываемым для разноструктурных языков в типологической литературе. Показано, что эта типологически неестественная система оказалась неустойчивой и в дальнейшем развитии хеттского языка при контактах с лувийским языком она была полностью ассимилирована лувийским типологически естественным выносам вправо.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, обобщаются теоретические и практические результаты исследования.

Основные публикации по теме исследования

Монографии:

1. *A.Kassian, A.Korolev, A. Sideltsev*. Hittite Funerary Ritual. Münster: Ugarit Verlag, 2002: ix + 973.

Разделы в коллективных монографиях:

2. *А.С. Касьян, А.В. Сидельцев*. Хеттский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / РАН. Институт языкознания. М.: Academia, 2013: 26-75.

3. *A. Sideltsev*. Inverted Word Order in Middle Hittite // V. V. Shevoroshkin, P. J. Sidwell (eds.), *Anatolian Languages*, Association for the History of Language Studies in the Science & History of Language 6, Canberra, 2002: 137-188.

4. *А.В. Сидельцев*. Внутриклаузная левая периферия в хеттском: Формальное описание // А.В. Циммерлинг, Е.А. Лютикова (ред.), *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. М: ЯСК. 2016.

Учебно-методические материалы:

5. *Т.С. Астахова, О.И. Беляев, Е.А. Лютикова, А.В. Сидельцев, А.В. Циммерлинг*. Учебно-методические материалы для магистрантов, обучающихся по программе «Общая и типологическая лингвистика» Москва: издательство МГГУ им. Шолохова, 2014: 76 стр.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах:

WoS, Scopus:

1. *A.V. Sideltsev*. Clause Internal and Clause Leftmost Verbs in Hittite // *Altorientalische Forschungen*, Bd. 41(1) 2014: 1–31.

2. *A.V. Sideltsev, M. Molina*. Enclitic *-(m)a*, clause architecture and the prosody of focus in Hittite // *Indogermanische Forschungen*, Bd. 120, 2015: 209-254.

3. *A.V. Sideltsev*. Syntax of Hittite *man* ‘if/when’ // *Aula Orientalis*, vol. 33/1, 2015: 127-140.

4. *A.V. Sideltsev*, Hittite Clause Architecture // *Revue d’Assyriologie et d’archéologie orientale*, vol. 109, 2015: 79-112.

5. *A.V. Sideltsev*. Clitic Doubling: a New Syntactic Category in Hittite // *Altorientalische Forschungen*, Bd. 38/1, 2011: 81-91.

6. *A. Sideltsev*, Proleptic Pronouns in Middle Hittite // *Babel und Bibel* 4. Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana, 2010: 211-248.

7. *B. Alexandrov, A. Sideltsev*. Hittite *assweni* // *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale*, vol. CIII, Paris, 2009: 59-84.

8. *A.V. Sideltsev*. Hittite Anaphora: Two Case Studies // *Archiv Orientalní* vol. 84/1, 2016: 75-104.

9. *A.V. Sideltsev*. The Riddles of Hittite Indefinite Pronouns // *Altorientalische Forschungen*, Bd. 42(2), 2015: 199-275.

10. *A. Sideltsev, M. Molina*. Review of A. Kloekhorst, *Plene Spelling, Consonant Gradation, Clitics, and Metrics (StBoT 56)*, Wiesbaden // *Bibel und Babel* 9, Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana, 2016.

BAK:

11. *A.V. Sideltsev*. Verb adjacent Focus in Hittite // *Вестник МГГУ им. Шолохова* 2014, 3: 86-97.

12. *A.B. Сидельцев*. Позиция преверба в хеттском предложении: исконное, заимствованное или различные (идио)лекты? // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского 23–25 июня 2014 г.* Санкт-Петербург: Наука 2014: 853-858.

13. *М. А. Молина, А. В. Сидельцев*. Корпусное исследование информационной структуры и границы клаузы в хеттском языке (на материале среднехеттских писем) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского 23–25 июня 2014 г.* Санкт-Петербург: Наука 2014: 657-666.

14. *A.B. Сидельцев*. Синтаксис отрицаний в хеттском языке // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX. Материалы*

чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Материалы международной конференции, проходившей 22-24 июня 2015 г. Отв. Редактор Н.Н. Казанский. Спб: Наука, 2015: 824-837.

15. *А.В. Сидельцев*. Выносы вправо с местоименной репризой в лувийском // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Материалы международной конференции, проходившей 18-20 июня 2012. Спб, 2012: 772-784.

16. *А.В. Сидельцев*. Восьмой хеттологический конгресс // Вестник РГГУ: Серия «Филологические науки. Языкознание»: Вопросы языкового родства, №7, 2012: 164-166. 0.2 п.л.

17. *А.В. Сидельцев*. Обзор конференции Индоевропейское языкознание и классическая филология - XV // Вестник РГГУ: Серия «Филологические науки. Языкознание»: Вопросы языкового родства 2012, №7: 164-165.

18. *А.В. Сидельцев*. Рецензия на the Journal of Indo-European studies Volume 38, Numbers 1 & 2 Spring/Summer 2010 // Вестник РГГУ: Серия «Филологические науки. Языкознание»: Вопросы языкового родства, 2012, № 8: 177-178.

19. *А.В. Сидельцев*. К диахронической типологии местоименной репризы: хеттские параллели к балканской местоименной репризе // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XV / Ред. Н. Н. Казанский и др. СПб., 2011: 466-469.

20. *A. Sideltsev, M. Molina, A. Belov*. Syntax or Phonology? Proclitics, Enclitics and Stress in Hittite // Вестник РГГУ: Серия «Филологические науки. Языкознание»: Вопросы языкового родства 13/2, 2015: 139-168.

21. *А. В. Сидельцев*. Академик РАН Тамаз Валерианович Гамкрелидзе (к 85-летию со дня рождения) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка, 2014, 73/6: 76-77.

22. *А.В.Сидельцев*. Приглагольный фокус в хеттском // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Материалы международной конференции, проходившей 22-24 июня 2013 г. Отв. Редактор Н.Н. Казанский. Спб: Наука, 2013: 813-824.

23. *A. Sideltsev*, Notes on the New Book of Prof. Jasanoff // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований, том. 2/1, 2006: 363-376.

24. *А.В. Сидельцев*. Заметки по среднехеттским ритуалам // Вестник Древней Истории 2002, № 1: 51-67.

25. *А.В. Сидельцев*. Среднехеттский порядок слов и его индоевропейские основы // Индоевропейское языкознание и классическая филология – V. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Отв. Редактор Н.Н. Казанский. Спб: Наука, 2001: 131-132.

26. *А.В. Сидельцев*. Новое морфонологическое правило в хеттском // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Отв. Редактор Н.Н. Казанский. Спб: Наука, 2002: 160-161.

27. *А.В. Сидельцев*. Ср.-хетт. *nahh-ant-*, *akk-ant-* // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Отв. Редактор Н.Н. Казанский. Спб: Наука, 2004: 236-238.

28. *А.В. Сидельцев*. Особенности деривации в парах слов «прилагательное – субстантивированное прилагательное» в хетто-лувийских языках // Вопросы языкознания 1996, № 4: 95-111.

29. *А.В. Сидельцев*. Ср.-хетт. *pi-weni* // Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Отв. Редактор Н.Н. Казанский. Спб: Наука, 2005: 257-260.

30. *А.В. Сидельцев*. Диахрония союзов *-(m)a* ‘но’/ *-y(a)* ‘и’ в истории хеттского языка // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Отв. Редактор Н.Н. Казанский. Спб: Наука, 2016: 674-260.

Прочие публикации:

31. *А.В. Сидельцев*. Информационная структура, Information Structure и неканонический порядок слов в хеттском языке // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. М.: Гнозис, 2014: 51-60.

32. *A.V. Sideltsev*. The Origin of Hittite Right Dislocations // Proceedings of the Eighth International Congress of Hittitology Warsaw, 5-9 September 2011. Edited by P.Taracha, Warsaw: Agade, 2014: 827-872.

33. *А.В. Сидельцев*. Структура хеттской клаузы // Тезисы международной конференции Типология морфосинтаксических параметров 2014. 15-17 октября 2014 г. Москва, http://iling-ran.ru/conferences/2014_tmp_program.pdf.

34. *A.V. Sideltsev*. Hittite Clause Architecture // IX. Uluslararası Hititoloji kongresi 01-07 Eylül 2014 / Abstracts of IXth International Congress of hittitology 01-07 September 2014. Hitit Üniversitesi: 35.

35. *A. Sideltsev*. Hittite Clitic Doubling as an Innovative Category: Its Origin // A. Archi (ed.), Tradition and Innovation in the Ancient Near East. Proceedings of 57th Rencontre Assyriologique Internationale at Rome 4-8 July 2011, Winona Lake, Indiana, Eisenbrauns, 2015: 417-426.

36. *A.V. Sideltsev*. Pragmatically Motivated Use of Aspect: Hittite – Russian Parallels // The Semantic Scope of Slavic Aspect. Fourth Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists. University of Gothenburg, June 10-14, 2013. Abstracts: 135-137.

37. *A.B. Сидельцев*. Диахроническое развитие приглагольного фокуса (на материале хеттского языка) // Современные методы сравнительно-исторических исследований. Материалы VIII Международной научно-практической конференции по сравнительно-историческому языкознанию 25-27 сентября 2013 г. Москва: Макс-пресс 2013: 268-278.

38. *A.B. Сидельцев*. Много жизни и немного смерти: прагматическое употребление аспекта в хеттском // Логический анализ языка «Адресация дискурса». М.: Индрик, 2012: 192-201.

39. *A.B. Сидельцев*. Verb fronting или NP focus movement в хеттском? // Тезисы конференции “Типология морфосинтаксических параметров 2012” 14-16 ноября 2012. М., 2012.

40. *A.V. Sideltsev*. Review of Patri, S. - L'alignement syntaxique dans les langues indo-européennes d'Anatolie. (Studien zu den Bogazköy-Texten, 49). Verlag Otto Harrassowitz, Wiesbaden, 2007 // Bibliotheca orientalis vol. 69, issue 3-4 2012: 319-321.

41. *A. B. Сидельцев*. Местоименная реприза в хеттском: факт или фикция? // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании. М., 2011: 207–216.
42. *A. Sideltsev*. Two systems of clitic doubling in Hittite // Eighth International Congress of Hittitology. Abstracts. Warsaw, 2011: 29-30.
43. *A. Sideltsev*. Clitic Doubling in Hittite? // Rencontre internationale assyriologique 57. Abstracts. Rome, 2011.
44. *A. Sideltsev*. Aspect in Middle Hittite Charms // Oral Charms in Structural and Comparative Light. Moscow, 2011: 196–201.
45. *B. Alexandrov, A. Sideltsev*, “If only we could be on good terms with each other!” in Hittite letters // NABU 2011, 2. Paris: 27-30.
46. *A. Sideltsev*, The Syntax of Middle Hittite Lists // Acts of the VIIth International Congress of Hittitology Çorum, August 25-31, 2008. Vol. II. Ankara 2010: 709-724.
47. *A. Sideltsev*. *Wh*-in-situ in Hittite // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции. Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко, Москва: МГГУ, 2014: 199-223.
48. *A. Sideltsev*. Preverbs, Postpositions and Indefinite Pronouns in Hittite // Atti del Solidalizio Glottologico Milanese (VIII-IX N.S.), 2012-2014 (2016).
49. *A. Sideltsev*. A New Morphonological Rule for Middle Hittite? // Studia Linguarum 3/2, 2002: 21-80.
50. *A. Sideltsev*. Review of P.Goedegebuure 2014 // Bibliotheca Orientalis LXXIII 1-2, 2016: 149-155.
51. *A. Sideltsev, I. Yakubovich*. The origin of Lycian Indefinite Pronouns and its Phonological Implications // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft Bd. 70/1, 2016.

52. *A. Sideltsev*. Relative and Indefinite Pronouns: Synchrony and Diachrony: The Case of Hittite // 38. Jahresbestagung der Deutschen Gesellschaft fuer Sprachwissenschaft. Theorie und Experiment, 2016: 327-329.

53. *D. Haug, A. Sideltsev*. Indo-Hittite Syntax? // The Precursors of Proto-Indo-European: Indo-Hittite and Indo-Uralic Hypothes. Book of Abstracts. 2015: 114-115.

54. *A. Sideltsev, M. Molina*. Multiple Second Positions: Wackernagel Clitics and Accented Second Position Constituents in Hittite // 48th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europea. Book of Abstracts. Leiden, 2015: 114-115

55. *A. Sideltsev*. A Dedicated Quantifier Projection in Hittite? // 48th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europea. Book of Abstracts. Leiden, 2015: 141-142.

56. *A. Sideltsev, M. Molina*, Enclitic *-ma* «but»/ *-ya* «and»: Losing Extraordinary Syntax Behavior // 22nd International Conference on Historical Linguistics. Book of Abstracts. Naples, 2015: 249-251.

57. *A. Sideltsev*. Pragmatically motivated use of aspect: Hittite-Russian Parallels // Семантический спектр славянского вида. Fourth Conference of International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists. Серия “Gothengurg Slavic Studies” University of Gothenburg, Department of Languages and Literatures. Ed. By Morgan Nilsson and Nadezjda Zorikhina Nilsson 2013: 135-136.

58. *A. Sideltsev*. Middle Hittite *ske*-Forms in Benedictions and Curses // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici 2008, T. 50: 681-704.

59. *A. Sideltsev*. An overlooked Case of Inversion in Middle Hittite? // Dresdner Beitrage zur Hethitologie, Bd. 25, 2007: 613-629.

60. *A. В. Сидельцев*. Квазисериальные конструкции в индоевропейских языках // Н.С. Бабенко (ред.), От языковых фактов – к построению теории.

Сборник научных трудов к юбилею профессора А.Л. Зеленецкого. Калуга: КГУ им. Циолковского: 188-215.

61. *А.В. Сидельцев*. Исконное или заимствованное: порядок слов в хеттском // V Международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию. Составитель В.А.Кочергина. Москва: Макс-пресс, 2006.

62. *A. Sideltsev*. ОН, МН Paradigm of *karap-/karep*-Type // International Journal of Diachronic Linguistics and Linguistic Reconstruction, vol. 2, 2005: 187-206.

63. *А.В. Сидельцев*. «Глиняная морфонология». Новое морфонологическое правило в хеттском? // Сравнительно-историческое изучение языков: Современное состояние и перспективы. Сборник статей по материалам международной научной конференции. Составитель В.А.Кочергина. Москва: Макс-пресс 2004: 286-388.

64. *A. Sideltsev*. The Morphology of 1 Pl. Pres. and Pret. in Middle Hittite // Sarnikzel. Hethitologische Studien zum Gedenken an Emil Forrer. Eds. D. Groddek, S. Roessle / Dresdner Beitrage zur Hethitologie, Bd. 25, 2004: 577-590.

65. *А.В. Сидельцев*. Индоевропейское наследие и ареальное влияние в хеттском синтаксисе // Языковые контакты в аспекте истории. VI Международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию. Составитель В.А.Кочергина. Москва: Макс-пресс, 2008.

66. *A. Sideltsev*. Hittite parallels for Balkan Sprachbund clitic doubling // Сборник Матице Српске за филологију и лингвистику, No. LIV-1 Нови Сад, 2011: 9–27.